

Стаття надійшла до редколегії
14.04.2014 р.

УДК 14

Ирина Юрова

Определение границ понятий веры и внушения

В статье рассматриваются связи феноменов веры и внушения и конкретизируется содержание этих понятий.

Ключевые слова: внушение, вера, сознание, познание.

Постановка научной проблемы и ее значение. Внушение зачастую рассматривается в научной литературе как феномен, тесно связанный с верой. Однако место внушения относительно веры до сих пор четко не определено. Известно, что реализация внушения происходит как признание полученной от другого информации как достоверной без достаточного основания. «При внушении суггерент верит в доводы суггестора, высказываемые даже без доказательств» [3, с. 97]. Таким образом, внушение может рассматриваться как сформированная готовность верить, равно как вера может выступать предпосылкой внушения.

Анализ последних исследований по этой проблеме. Понятийно вера и внушение составляют динамическое единство и иногда они подменяют друг друга или подразумеваются под одним и тем же понятием, хотя вера «внушается», а в содержание внушения «верят». Аналогичная ситуация прослеживается и в изучении соотношения понятий «знание» и «вера»: М. Остерхольм считает вообще неважным маркирование личных знания и веры, когда достаточно говорить о личной эпистемологии [12], потому что вера, как он полагает, – ментальный процесс, о котором человек может не хотеть дать отчет или быть не в состоянии отчитаться. Вера как результат внушения может быть неосознаваемой. Ребенок, как правило, делает заключение о том, что он что-то знает или не знает, исходя из того, сказал ему это родитель или нет, понял он его или нет. Такой опыт, согласно Л. Витгенштейну, больше, чем опыт познания. Иными словами, Остерхольм настаивает на том, что вера (belief) – это не то, что человек «имеет в себе», а то, что он делает, а содержание неосознаваемой веры относится к неявному (tacit) знанию. Таким образом, сознательная вера – это уже опосредованная рефлексивным усилием и личным выбором деятельность – относится к метапознанию. Вероятно, когда ребенок впервые проводит грань между тем, что он знает, и тем, во что он верит, он удерживает в сознании не только содержание этого «незнающего знания», но и оценку его оснований. Доказательства, в которых вера якобы не нуждается, все равно ищут и могут обнаружить, но они, скорее, ценностны, чем рациональны: доказательством веры может быть чудо. Рациональные свидетельства оказываются подчинены ценностям, в то время как знание отличает совпадение ценности и рационального свидетельства, так как оно и является ценностью знания. Это хорошо видно из анализа faith-веры, репрезентирующей ценность того, что М. Бубер называет личностной целостностью, в противовес вере, основанной на когнитивных ценностях, которая приводит ученого к знанию [1].

Целостность, характеризующая верование, имеет гносеологическое значение формирования единства опыта: «связующая и объединяющая сила веры во многом характеризует ее сущность» [8, с. 62], а «реализация веры придает смысл любому, даже самому элементарному явлению эмпирической реальности» [1, с. 74]. При этом интенциональность веры затрагивает неосознаваемые мотивы, и хотя «вера или неверие не могут быть насильственно навязаны человеку, ибо они включают в себя не только должное, но и желаемое, связанное со свободным выбором» [1, с. 74], тем не менее, через внушение на выбор могут оказывать воздействие.

Свободен ли выбор веры или неверия при оказанном воздействии – вопрос весьма спорный даже с правовой точки зрения, но мы можем принять в качестве промежуточного тезиса – согласие уверовавшего с содержанием внушения на основании предъявляемой ценности. Например, если рассматривать классический вариант цыганского гипноза, то в таких случаях успех внушения основывается на том, что действительно представляет большую ценность для того, кто подвергается воздействию – любовь, здоровье, благополучие близких. Хотя для менее ценностных сообщений для него будет важен авторитет источника информации (надежность) и доверие к нему (залог того, что источник действует в его интересах), свидетельствующие о том, что *для каждого нового акта веры важна последовательность предыдущих*. Например, мы поверим сообщению в газете, если доверяем ей, как источнику, и мы также поверим сообщению, если оно не противоречит опыту. Таким образом, в одном акте веры нам необходимо соотнести то, насколько мы готовы доверять источнику и своему опыту вообще, так как можем быть не уверены в себе и своей компетентности, и насколько ценным является услышанное или увиденное лично для нас, чтобы принять данное сообщение на веру.

Н. Ю. Тишкова рассматривает акт принятия и отношение веры в круговороте общения. «Актант А, “носитель веры”, вручает, дает или поверяет свое “доверие” актанту Б (“верит ему” или “верит в него”). Но этому акту предшествует некий акт со стороны актанта Б, которым Б “внушает доверие” актанту А. Это “внушение доверия” – еще не “вера”, но как бы ее эмбрион, нечто такое, в ответ на что, у актанта А может появиться вера. Но акт “внушения доверия”, исходящий от Б, тоже не самый первый. Он возникает в ответ на какой-то запрос, исходящий от А, о возможности отношений с Б, ответом на который и будет уже упомянутый акт “внушения доверия” от Б» [9, с. 47].

Пример с обычным цыганским гипнозом показывает, насколько приоритетен может быть аспект личной ценности: в условиях давления, информационного дефицита и дефицита времени на рефлексию и проверку оснований именно личностная ценность определяет скорость согласия с тем, что содержится в сообщении. Именно это позволяет принимать сдержанное внушение «на веру», минуя акты, связанные с проверкой достоверности информации.

Цель статьи. Исследования веры, которые бы позволили провести соединяющую или демаркационную линию между феноменами веры и внушения, встречают такую же проблему понятийного содержания, как и в материалах, относящихся к внушению: «в исследованиях, посвященных феномену веры, нет четкости в определении самого термина “вера”» [4, с. 4] из-за его многозначности, а также из-за отсутствия согласия относительно несознательной природы веры. Тем не менее, мы попытаемся детальнее очертить границы этих понятий, чтобы определить, как они соотносятся, опираясь на последние исследования разных научных школ.

Изложение основного материала и обоснование полученных результатов исследования. Вера несводима к процессу, состоянию или явлению. П. М. С. Хакер отмечает, что мы легко можем верить в то, что «все будет хорошо», но мы не можем верить в то, что мы знаем, потому что мы знаем это и так. Хакер довольно много внимания уделяет нюансам, разбирая отношения чувства и веры в критическом анализе позиции Д. Юма, он также не соглашается с интерпретацией веры как ментального состояния (Д. Дэвидсон и Дж. Сёрл) [11] и критикует диспозиционную концепцию веры. Например, нельзя представить, что вера ушла, если человек потерял сознание, а вот с утратой веры в то, что обладало основополагающей ценностью, может последовать утрата или расстройство сознания, то есть вера сопровождается чувствами постольку, поскольку она находится в прямом отношении к ценности.

Н. А. Калюжная на основе обзора представлений о вере в классической философии, формулирует следующие эпистемологические характеристики веры:

- принятие вероятностных утверждений как достоверных;
- неоднозначность условий, в которых формируется содержание веры;
- принципиальная недоказуемость или потенциальная доказуемость содержания веры;
- укорененность в субъективной реальности, субъективная уверенность [5, с. 5].

Определение, согласно которому вера – «это психологическое состояние, где ориентиром выступает желаемый результат, стимулом служит ее источник, а содержание диктуется жизненными смыслами» [2, с. 169], также отделяет «верую», т. е. акт веры, от уверовавшего, и делает непонятным, почему «ориентация на желаемый результат» встречается с сомнением или даже кризисом веры. С одной стороны, мы можем выделить комплекс личностных характеристик и условий, которые связаны с тем, что человек склонен верить тому, что ему говорят, а с другой – мы также способны

выделить склонность человека верить во что-то одно скорее, чем в иное (например, в хороший исход его начинаний). И тем, не менее, веру нельзя свести к некоей предрасположенности, как указывает Хакер. Если бы это было так, то внушаемость, которую мы исследуем, была бы сущностно неотделима от веры, и вера не содержала в себе рефлексии. Но то, что мы осознаем и различаем веру и знание, – уже результат рефлексии, означающий возможность субъективного перевода одного в другое. Таким образом осуществляется диалектика развития личностного познания.

М. Л. Лезгина, анализируя проблему свободы выбора, полагает, что она зависит от того, насколько хорошо человек понимает свое благо (предпочтительное) и условия выбора. Подвергаясь внушению со стороны, субъект сталкивается с опосредованным предпочтением – предпочтительностью, т. е. интерпретацией блага для него, созданной другим. «В этом случае субъект выбора обращается в объект управления, внушения, и сам выбор, сохраняя видимость выбора без принуждения, перестает быть свободным» [6, с. 74]. Таким образом, истинность веры может быть определена через истинность блага для субъекта согласно его изначальному (довнушенному) пониманию этого блага и, исходя из этого, мы могли бы заключать, было ли вовлечение в религиозный культ связано с внушением в форме психологического насилия или осуществлялось свободно.

Как мы теперь видим, *знание в форме интерпретации* (предлагаемое «готовое знание») и *знание как продукт собственного познания всегда включены в веру*. И человеческий путь познания всегда начинается именно с усвоения «готового знания» (у животных он связан с импринтингом). В. А. Лекторский также считает, что вера и знание не сводимы друг к другу и тесно переплетены: познание «всегда было и будет ориентировано на получение истинного знания». Однако при этом он утверждает, что религиозная вера исключает знание, так как основана на суждениях, которые так и остаются верованиями: верующие «не знают того, во что верят, и знают, что не знают этого» [7, с. 18]. Вероятно, это верное, но «сильное утверждение», потому что религиозная вера без опоры на некое знание не состоялась бы: например, Библию мы можем смело назвать «готовым знанием», т. е. интерпретацией конкретных явлений и событий, а личный опыт веры – результатом собственного творческого познания действительности. Но уровень связанности этих знаний принципиально отличается, а принцип их удостоверения заключен в самой вере (последовательности предыдущих актов веры). А. И. Шафоростов, описывая «логику веры», аналогично считает, что информация для веры вторична, тогда как *чувство реальности* определяет ее принятие [10].

Д. Дж. Оуэнс считает, что формированию веры у человека предшествует запрос: «только если я интересуюсь, виновен ли ОJ, я буду погружен в чтение газет по этому поводу, размышления над представленными доказательствами и попытаюсь запомнить их» [13, с. 288]. При этом подобные размышления вовсе не означают, что нужно продолжить поиск доказательств, чтобы окончательно поверить. Для веры преодолимы те противоречия, которые непреодолимы для логически обоснованного познания, и объективно вера «более уязвима» для вторжения со стороны другого, чем знание, основанное исключительно на доказательствах, так как в вере как в выборе находит выражение *разрешение конфликта разных ценностей*. Оуэнс отмечает, проводя прямые параллели между верой и предположением, что мы не могли бы предполагать по желанию, если бы целью веры была только правда. «Вменяемость по отношению к вере заключается, во-первых, в стремлении понять ее основу – почему я верю именно так, а не иначе; во-вторых, в принятии на себя ответственности за те последствия, которые проистекают из принятия веры в качестве подлинной, выражающей реальность бытия личности» [10, с. 261–262].

Ряд направлений (верификационная теория внушения А. М. Свядоща, концепция суггестивного происхождения сознания Б. Ф. Поршнева, психоанализ, аналитическая психология, гештальт-психология, теория внушения В. М. Бехтерева, теория внушения В. Н. Куликова и др.) прямо или косвенным образом связывает веру с внушением, считая, что вера является производным от внушения. В современной отечественной психологии вера предстает как способ снятия или само снятие неопределенности. Т. А. Казанцева [4, с. 8] считает, что внушение не может полностью детерминировать веру, хотя внушаемость представлена в ее структуре, как, впрочем, и в структуре убеждения. Содержание внушения подкрепляется самим комплексом веры, которая сама становится источником внушения, то есть:

- I. внушаемая идея (например, *придание учащемуся уверенности в своих силах*);
- II. в структуре веры (*в свой успех*);

III. при підкрєпленнї (*отличными результатами четверти или сессии*);

IV. увеличивает потенциал самовнушения (*таким образом вера в свои силы обретает твердость*).

Таким образом, содержание внушения при значимой рефлексии и оценке оснований становится верой, и через веру, уже через осознанный выбор в определении своих целей, внушение становится целенаправленным – переходит в самовнушение и акты поддержания этой веры. Иными словами, внушение участвует как в синтезе верования, так и в его декомпозиции к осознанному формированию конкретных установок, определяющих дальнейшую последовательность актов веры. Это позволяет человеку полагаться на допущение в условиях постоянной изменчивости условий его жизни.

Выводы и перспективы дальнейших исследований. Итак, вера больше, чем продукт внушения, так как в ее рамках внушение может быть целенаправленно осуществлено самим субъектом. Общим и для веры, и для внушения является создание некоей последовательности, целостности опыта для разрешения ситуации неопределенности в познании и практической деятельности. Тем не менее, вера содержит в себе рефлексивную оценку оснований, в то время как внушение определяется схватыванием разрозненных фрагментов картины действительности на основе ценностного отношения субъекта. Однако то, что при этом внушение оказывается эффективным инструментом в формировании устойчивой и целостной картины мира человека, в поддержании веры, позволяет сделать вывод о том, что оно оказывает мощное влияние на всю последовательность опыта, мотивы познания и деятельности.

Источники и литература

1. Выжлецов Г. П. Аксиология веры / Г. П. Выжлецов // Вестник Санкт-Петербургского университета. – Серия 6. – СПб., 2009. – Вып. 3. – С. 72–75.
2. Горячев В. А. Классификация типов веры / В. А. Горячев // Социально-экономические явления и процессы : междунар. журн. – 2012. – № 3. – С. 166–169.
3. Ильин Е. П. Мотивация и мотивы / Е. П. Ильин. – СПб. : Питер, 2000. – 512 с.
4. Казанцева Т. А. Вера как социально-психологический феномен и его суггестивный механизм формирования : автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.05. / Т. А. Казанцева ; гос. ун-т управления. – М., 2007. – 19 с.
5. Калюжная Н. А. Проблема веры в контексте принципа доверия субъекту познания / Н. А. Калюжная // Гуманитарные исследования. – Ухта, 2007. – № 1 (21). – С. 5–10.
6. Лезгина М. Л. Homo traditionis в условиях выбора / М. Л. Лезгина // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – СПб., 2005. – Т. 5. – Вып. 10. – С. 73–80.
7. Лекторский В. А. Вера и знание в современной культуре / В. А. Лекторский // Вопросы философии. – М., 2007. – № 2. – С. 14–19.
8. Омельчук Р. К. Онтология веры: личностные и социокультурные механизмы преемственности ценностей : дис. ... д-ра филол. наук : 09.00.11 / Омельчук Роман Константинович ; [Бурятский гос. ун-т]. – Улан-Удэ, 2011. – 377 с.
9. Тишкова Н. Ю. Доверие как феномен жизненного мира : дис. ... канд. филос. Наук : 09.00.13 / Тишкова Наталья Юрьевна ; [Дальневосточная гос. академия экономики и управления]. – Владивосток, 2002. – 167 с.
10. Шафоростов А. И. Онтологический аспект веры / А. И. Шафоростов // Вестник КемГУ. – Т. 1. – Кемерово, 2012. – № 4 (52). – С. 259–264.
11. Hacker P. M. S. Of the ontology of belief / P. M. S. Hacker // M. Siebel and M. Textor (Eds.) Semantik und Ontologie. – Frankfurt : Ontos Verlag, 2004. – P. 185–222.
12. Österholm M. The ontology of beliefs from a cognitive perspective / M. Österholm // F. Furinghetti & F. Morselli (Eds.) Proceedings of the conference MAVI-15: Ongoing research on beliefs in mathematics education. September 8–11, 2009, Genoa, Italy. – Genoa : Department of Mathematics, University of Genoa, 2010. – P. 35–46.
13. Owens D. J. Does Belief Have an I am? / D. J. Owens // Philosophical Studies. – Vol. 115. – 2003. – Pp. 283–305.

Юрова Ірина. Визначення понять віри та сугестії. У статті розглянуто зв'язки феноменів віри та сугестії й конкретизовано зміст цих понять.

Ключові слова: сугестія, віра, свідомість, пізнання.

Iurova Iryna. The Definition of Concepts of the Belief and the Suggestion. In the article the author analyzed the connections between the belief and suggestion and specifies these categories.

Key words: suggestion, belief, consciousness, cognition.

Стаття надійшла до редколегії
18.04.2014 р.